

лексе необходимых предпосылок для выполнения исследования такого плана.

С. Лаллукка написал прекрасную и нужную работу. Не знаю, в каком направлении намерен он продолжать свои исследования, но подобный анализ нужен и в отношении других уральских народов и языков Советского Союза. Надежда, однако, есть, ведь еще в 1982 году увидела свет книга С. Лаллукка «Suomalais-ugrilaiset kansat Neuvostoliiton uusimpien väestönlaskentojen valossa» (Финно-угорские народы в свете последних переписей

населения Советского Союза), в которой он затрагивал и языковые вопросы. Как исследователь наших самых дальних родственных языков — самодийских — смею надеяться, что и они будут привлечены как материал для такого же анализа.

10 ноября 1990 года С. Лаллукка защитил рецензируемую книгу как докторскую диссертацию в Хельсинкском университете. Оппонентами были автор этих строк и доктор наук Илмари Сусилуото, вел дискуссии профессор Олави Рийхинен.

АГО КЮННАП (Хельсинки—Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.3.09>

Helmi ja Pertti Virtaranta, Karjalan kieltä ja kansankulttuuria I. Tverinkarjalaisia kielennäytteitä, Helsinki 1990 (MSFOu 205). 445 с.

Неутомимые исследователи тверских карелов Хелми и Пертти Виртаранта опубликовали еще одну крупную работу — четвертую в серии монографий, посвященных тверским карелам. Две из них — «Tverin karjalaisten entistä elämää» (1961, 272 с.) и «Suru virret suuhun tuori» (1989, 107 с.) — написаны Пертти Виртаранта, в 1985 г. увидела свет книга обоих авторов «Kauas läksit karjalainen» (320 с.). В названных произведениях обстоятельно рассказывается о житействе карелов, прослеживаются судьбы отдельных людей. Рецензируемая книга представляет собой первый сборник только текстов. Значение его тем более велико, что последний крупный сборник текстов, записанных в данном диалектном ареале, издан почти тридцать лет назад — это книга Г. Макарова «Образцы карельской речи» (Москва — Ленинград 1963). Известно, однако, что с годами количество носителей тверского диалекта карельского языка не росло, а сокращалось.

Сборник Х. и П. Виртаранта содержит тексты, записанные у жителей дер. Пасынок (кар. Puasinkoi), где расположена в центре ареала толмачевского говора. Информантов было четверо: Евдокия (1923 г. р.) и Иван (1928) Ильины, Мария Белякова (Смородина) (1886—

1968) и Дарья Макарова (1921—1973) — все они родственники между собой.

В дер. Пасынок, где по данным Д. Рихтера, в 1873 г. проживали 224 человека, к настоящему времени осталось 40 домов и 50—60 карелов.

Во введении авторы обстоятельно излагают биографии своих информантов. И как всегда восхищаются прекрасные фотографии, без чего книги Х. и П. Виртаранта просто невозможно уже себе представить.

Каждое собрание текстов всегда имеет две функции: для этнографов и фольклористов важны культурологические сведения, лингвистов же интересуют диалектные особенности рассматриваемого языкового ареала. Первые, если они не владеют карельским языком, найдут в книге корректный перевод текстов на финский язык, лингвистов же с фонетическими особенностями тверского диалекта знакомит специальный раздел «Замечания по поводу диалекта окрестностей дер. Пасынок и его транскрибирование» (с. 19—33).

Фольклор и быт карелов всегда привлекал Х. и П. Виртаранта. Данный сборник тоже открывают 24 сказки. Первые из них записаны еще в 1966 г. (последние — в 1968 г.). Самой активной сказительницей была Дарья Макарова, супру-

га известного петрозаводского языковеда из ливвиков Григория Макарова (1918—1972). Тематика историй, рассказанных информанткой-учительницей, отличалась большим разнообразием, чем у т. н. простых рассказчиков. Конечно, причина кроется и в начитанности Д. Макаровой, и в ее профессии. Работая в 1940-х годах в Козлово (Тверская обл.) учительницей, Д. Макарова рассказывала сказки карельским детям на их родном языке. Ее можно смело считать переводчиком русских сказок на тверской диалект карельского языка. И вот теперь, когда самой сказительницы уже давно нет с нами, ее сказки, наконец, благодаря Х. и П. Виртаранта, опубликованы. Они заслуживают и отдельного художественного издания.

Пять сказок в сборнике рассказаны Марией Беляковой.

Книга содержит также другой интересный материал: детские песни (с. 160—163), зачины и концовки сказок (с. 164—165), пословицы и сравнения (с. 412—432), фразы, поговорки и игру слов (с. 432—445). Любопытны приветствия тверских карелов (186—192) и лексика родства, которая во всех прибалтийско-финских языках постепенно предается забвению (с. 166—174).

Быт тверских карелок хорошо знаком Евдокии Ильиной, сестре Д. Макаровой, и ее тете со стороны Марии Беляковой. Последняя в молодости около 19 лет провела в монастыре и была прекрасной рукодельницей.

Текстам, начитанным Е. Ильиной, можно дать общее название «Поварская книга тверских карелов». Они составляют почти четверть всего произведения (с. 260—327). Подробен обзор произрастающих в лесах вокруг дер. Пасынок, грибов: *huabagriba* 'подберезовик', *koivu-griba* 'подберезовик', *vahvo* 'лисичка' и т. д. Различаются *griba* 'боровик', фин. *tatti* и *šieni* 'гриб'. Наряду с традиционными названиями пищи — каша, пироги и т. п. — встречаются некоторые интересные слова. Одно из них *kukompieri*, обозначающее дырочку на конце или сбоку у вареного яйца (см. с. 326).

И. Ильин рассказывает о своей родной деревне. Его истории, связанные со строительством, рыбной ловлей, сенокосом и изготовлением различных инстру-

ментов, придают книге оттенок мужественности.

Особенно ценный материал содержит сборник для диалектологов. Тексты позволяют сделать вывод, что особенности карельского языка в дер. Пасынок сохранились гораздо лучше, чем в других языковых островках.

Среди инфинитных глагольных форм встречаются заменяющие придаточные предложения причастные формы: *kiuguan loppeluo* (328) 'когда печь готова была, (тогда)' (ср. фин. *uurin valmistuttua*), *tulduoh äiät* (122) 'когда придешь, (тогда) увидишь' (ср. фин. *näet tultuasi*). Заслуживают внимания и партитивные формы агенс-причастий: *kiuguan luadimua* (338) 'за изготовление печи', *nuatan vedämii* (356) 'за вытягивание невода'. Обычен инессив инфинитива на -*TA*: *kež-rätessä* (66) 'прядя', *kuduošša* (194) 'в процессе вязанья', *aihoštuášša* (198) 'окуривая корову после отела'.

Среди финитных форм глагола выделяется своей пестротой императив. В формах 2-го лица единственного числа гласный основы презенса дифтонгизировался: *mänie* (106) 'иди', *istuo* (68) 'сиди', *katšuo* (110) 'смотри' (ср. основы презенса *mänie*-, *issu*-, *katšo*-). На с. 106, однако, обнаруживается форма *lašše* 'пусти'. Во 2-м лице единственного числа императива к глаголу присоединяется суффикс *-kkois(en)*: *pañ'ekkois* (68) 'положи (наконец)', *mäniekkois* (108) 'иди', *šanuokkoisen* (88) 'скажи', или *-kko/-kkö*: *anuakko* (206) 'дай (же)'. 3-е лицо единственного числа императива выражается как синтетически, так и аналитически: *mängäh* (106) 'пусть он идет', *šän'd'ykkäh* (424) 'пусть обижается', *ana kävel'öu* (150) 'пусть ходит', *ana viclä šanou* (74) 'пусть он еще скажет'. Та же картина наблюдается в 3-м лице множественного числа: *ana katšotah* (102) 'пусть они смотрят'. Встречаются и формы императива 1-го лица множественного числа: *ašsumuakkois* (108) 'пойдемте', *davai-tuakkuu* (98) 'приступим'. Формы 2-го лица множественного числа, как правило, суффикса *-kko/-kkö*, *-kkois* не имеют: *pangua* (106) 'положите', *mängiä* (130) 'идите'.

Формы потенциального наклонения вместе с союзами *jesli*, *kuin* выражают

условие: *jesi ei muamo tuatto soglašie-išettanne* (120) 'если мама и папа не согласны', *a kuin šie miun šordannet* (112) 'а если ты меня убьешь'. В текстах перфект потенциального наклонения не встречается. А вот примеры на перфект кондиционалиса имеются: *oliis šiun tappan* (138) 'убил бы тебя', *što ennen oliis ollun* (330) 'что был бы он раньше'.

В индикативе тоже перфект и плюсквамперфект редки, поскольку под влиянием русского языка их заменяет имперфект. Все же пару примеров на плюсквамперфект привести можно: *itše oliit luadi-nud* (350) 'ты сам сделал', *ofigo šyndyn mükäksi* (180) 'родился ли он немым'. (Потенциальное) будущее время выражается с помощью *lietä*: *lehmii vietä tienöu, akkua miula ei liene* (98) 'коровы у меня еще могут быть, а вот жены не будет'.

В имперфекте индикатива возможно удлинение *i* (>*i*), но какой-то закономерности при этом не установлено. В 1-м и 2-м лице множественного числа встречаются (как и в презенсе кондиционалиса) окончания *-ma/-mä* и *-ja/-jä*. В частотности *-mma/-mmä* и *-ma/-mä* тоже невозможно установить какую-то закономерность. Первоначально создается впечатление, что в глаголах с чередованием ступеней употребляется *-ma/mä* (*kattšoma* (54) 'смотрели', *noštima* (206) 'поднимали'), а без чередования *-mma/-mmä* (*heräimmä* (242) 'собирали', *kuivaimma* (208) 'сушили'), но там же встречаются формы *rakkoimma* (226) '(мы) просили', *ofima* '(мы) были', *kävelimä* (324) ~ *kävelimä* (232) '(мы) ходили'. Согласно предположениям, основа глаголов с чередованием ступеней должна быть в сильной ступени. Как правило, так оно и есть (ср., однако, *istuotšima* вместо *istuotšima* '(мы) сидели', с. 334). Не единообразны и падежные окончания во 2-м лице множественного числа: *kuttšuja* (224) '(вы) позвали', *käškijä* (54) '(вы) приказали', *näittä* (54) '(вы) видели', *toitta* (74) '(вы) принесли'. Встречается ли *-tta/-ttä* в односложных основах?

Относительно именных форм следует отметить, что по сравнению с другими языковыми островками здесь употребляется гораздо больше исконно карельских числительных, в том числе и сложных:

kakškymmeñd'änelländ'enä päivänä apritakuuda (210) '24 апреля'. Определяемое перед определяемым согласуется с последним в числе и падеже: *lymbyñ-ñyl'l'ä pahalla tširpilla* (338) 'кривым плохим серпом', *pienembäh kiuguah* (346) 'в меньшую печку', *ominkena srumenkoinke* (398) 'своими инструментами'. Перед определяемым в форме паритива определение не согласуется с ним в падеже: *omašta kylttä* (220) 'из своей деревни', *monekš palua* (286) 'на несколько кусков'.

Знаменательно образование склоняемых слов. Например, с помощью суффикса *-ja/-jä*: *pakkuoja* (104) 'нищий', *etaja* (136) 'человек', *pergaja* (148) 'тот, кто бьет', *luadija* (336) 'изготовитель'. Сюда же можно отнести слово множественного числа *šua tat* (172) 'провожающие на свадьбе' (< **šuaittajat* < **säittajat*). В значении *v*-ового причастия употребляется форма *noužija* (170) 'поднимающийся'. Широко распространен суффикс *-nda/-ñd'ä*. Он используется для обозначения личности: *izähñd'ä* (104) 'хозяин', *emähñdä* (104) 'хозяйка', чаще же встречается в отглагольных существительных, называющих действие: *nainda* (420) 'женитьба', *ožuanda* (364) 'удар', *kalaššanda* (372) 'рыбная ловля', *makšenda* (428) 'плата'. Рецензент обнаружил около тридцати таких форм. Абстрактные существительные образуются с помощью суффикса *-uš/-yš*: *veššel'yš* (146) 'радость', *šyvyš* (368) 'глубина', *jygennyš* (354) 'тяжесть', *vägennyš* (320) 'сила, мощь'. С этим же суффиксом образуются слова, выражающие деятельность: *kävelyš* (336) 'возка', *paimenuš* (332) 'пастыба'; и предметы, существа: *ševotuš* (296) 'смесь', *huonehuš* (330) 'постройка, дом', *kokarruš* (302) 'кусочек теста'.

Деятеля отмечает суффикс *-ñiekka/-ñiekkä*: *abuñiekka* (140) 'помощник', *kalañiekka* (90) 'рыбак', *rajañiekka* (396) 'кузнец'. Этот суффикс употреблен и в словах *pokoññiekka* (174) 'покойник' и *pruazñiekka* 'праздник' (ср. рус. *-ник*). То же происхождение имеет *-kka* в некоторых русских заимствованиях — ср. *mellikka* (180) 'мельник'. Соответствия в других прибалтийско-финских языках имеют *riižikka* (248) 'рыжик', *puolikka* (340) 'инструмент для удара' и т. п.

Деминутивы образуются с помощью суффикса *-u/yt*: *ahvenut* (374) 'окунок', *jovut* (240) 'речка', *šarvut* (148) 'рожок'. Суффикс *-ne* употребляется в деминутивах как существительных (*palahe* 'кусочек', *kuřdakassahe* (174) 'золотистая косичка'), так и прилагательных (*kaidane* (240) 'узенький').

Исследователей деривации заинтере-

суют и некоторые другие словообразовательные суффиксы.

Сборник текстов Х. и П. Виртаранта на титульном листе обозначен как первый. Остается надеяться, что скоро очередной ценный материал о тверских карелах и их языке из коробок фонотеки переместится на страницы новой книги.

ЯАН БИСПУУ (Таллинн)

Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987. (LSFU XXI). XXXIII + 421 S.

Das vorliegende Wörterbuch der udmurtischen (wotjakischen) Sprache ist eine sehr vollständige Quelle nützlicher Information über die udmurtische Lexik. Es zeichnet sich aus durch ein hohes Niveau der lexikographischen Bearbeitung, durch Inhaltsreichtum des Materials und durch die Qualität seiner Veranschaulichung.

Das Anliegen dieser kurzen Rezension besteht darin auf einzelne Gesichtspunkte des publizierten Buches einzugehen.

Der «Wotjakische Wortschatz» wird mit einem Vorwort (S. VII—XVI), Hinweisen zur Transkription (S. XVII—XIX) und Verzeichnissen der Abkürzungen (S. XX—XXIII) eingeleitet. Es folgt das umfangreiche Stichwörterverzeichnis (S. 1—334) und am Ende das deutsche Register.

Im Vorwort berichtet man über die Entstehungsgeschichte des Wörterbuches, den Ursprung seines Wortmaterials, legt die Prinzipien der Wortauswahl und den Aufbau der Wortartikel dar.

Der Weg bis zur Herausgabe des uns nun zur Verfügung stehenden Wörterbuches ist sehr lang gewesen. Mit dem Sammeln des Materials begann der bekannte finnische Sprachwissenschaftler Yrjö Wichmann, fortgesetzt wurde es von T. E. Uotila und zum Abschluß gebracht von Mikko Korhonen.

Im Jahre 1891 reiste Y. Wichmann zu den Udmurten, um ihre Sprache zu lernen. Im Laufe seines einjährigen Aufenthaltes im Land der Udmurten lernte er einige ihrer Dialekte sprechen, sammelte lexikalisches und folkloristisches Material,

erhielt von örtlichen Geistlichen und Volksschullehrern vielfältige Unterstützung und konnte ein ihm übergebenes Manuskript eines udmurtisch-russischen und russisch-udmurtischen Wörterbuches mit nach Hause nehmen. Um seine Sammlungen zu vervollständigen, begab sich Y. Wichmann 1894 noch einmal für zweieinhalb Monate zu den Udmurten.

Das ganze Wortmaterial brachte Y. Wichmann auf Zettel. Neben dem Grundwort wurden auch Ableitungen verzeichnet, die aber meistens ohne Übersetzung sind. Die Bedeutung des Wortes ist auf russisch oder finnisch, manchmal auch auf deutsch oder schwedisch angegeben. Insgesamt befanden sich in der Kartei Y. Wichmanns 6000 alphabetisch geordnete Wortzettel.

Der überwiegende Teil des Wortmaterials stammt aus den Dialekten von Glazov, Jelabuga, Malmyž-Uržum und Ufa; relativ viel gibt es auch aus dem Besserman-, dem Sarapul- und dem Malmyž-Dialekt. Dagegen der Dialekt von Slobodskoje ist nur durch einige Wörter vertreten. Aus den Ausgaben der «Wotjakischen Sprachproben», der Chrestomathie und folkloristischen Werken schrieb Y. Wichmann 2191 Wortformen heraus, wobei jede Wortform ganz genau belegt ist (Angabe des Bandes, der Seite und Zeile).

Im Jahre 1932 verstarb Y. Wichmann, und die Arbeit am udmurtischen Wörterbuch wurde von seinem Schüler T. E. Uotila fortgeführt. Doch zuerst beendete er die Arbeit am syrjänischen Wörter-